

Зиннур Мансуров

Вкус земли

- Каков он – вкус родной Земли?
- Он слаще ягоды лесной.
- Каков он – вкус родной Земли?
- Плыны горше он степной.
- Каков он – вкус родной Земли?
- Пресней сосульки ледяной...

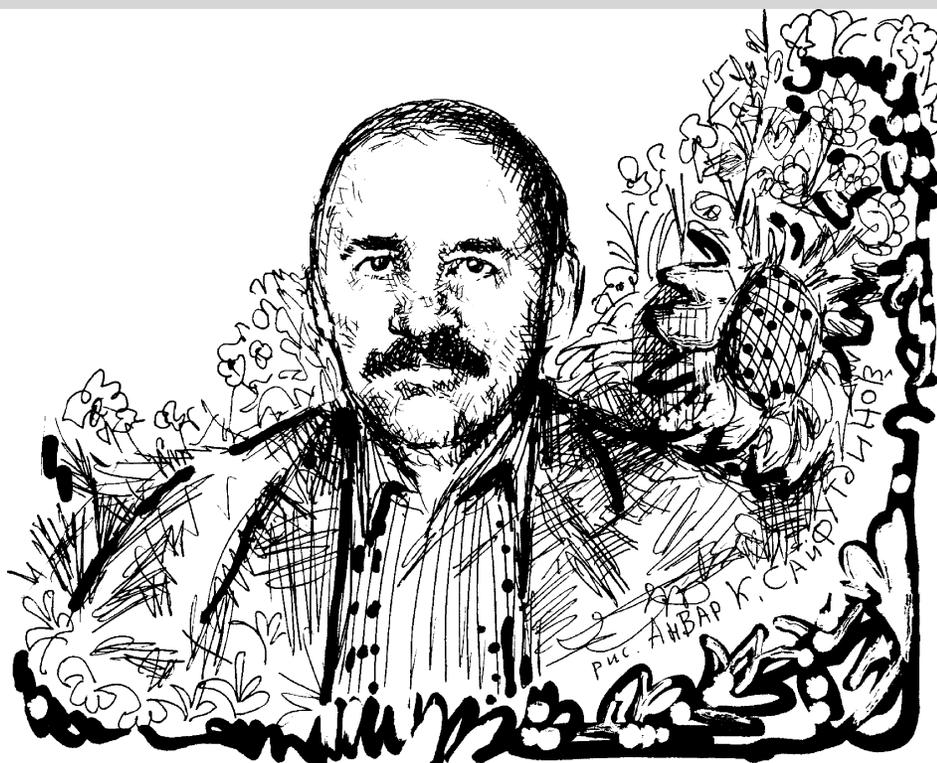
Когда научишься слагать
 Все эти вкусы воедино,
 Тогда сумеешь ты понять,
 Каков он – вкус Земли родимой.

По другому пути

Комедии твои, Мольер, увы,
 Не будут образцом для подражания –
 Трещат мозги у бедной головы
 От жизненных путей непонимания.

Как жаль, остались в прошлом времена,
 Когда под маской видели мы истину.
 Забыв про юмор, плачет вся страна,
 Бандитский грязный смех похож на выстрелы.

Сочится кровь сквозь марево портьер,
 В крови рассветной облачные вретича.
 Такие вот дела у нас, Мольер,
 Такие вот, Эсхил, сегодня зрелища!..

Зиннур Мансуров (1949)
 родился в деревне
 Нижняя Ошма
 Мамадышского района
 Татарстана.

Окончил Казанский
 государственный университет.
 Работал корреспондентом
 в различных периодических
 изданиях, главным редактором
 Гостелерадио РТ, заместителем
 председателя правления
 Союза писателей Татарстана.
 В 1995 году возглавил новую
 еженедельную газету
 «Мәдәни жомга» («Культурная
 пятница») и до настоящего
 времени является
 её главным редактором.

З. Мансуров – автор десятка
 книг поэзии, критики и
 публицистики, увидевших
 свет в издательствах
 Казани и Москвы

Спесь

Неистребим смекалистый народ,
 Вот только иногда немного врёт:
 Пока, мол, вы в пещере то да сё,
 А мы изобрели вам колесо.

И будет он собою очень горд,
 И спесь в себе раздует выше гор!
 Но, если честно, вклад-то – невесом –
 Лишь палка, что вставляют в колесо...

Особенности моей любви
 Вот так устроен, что поделатъ тут –
 В любви сгораю быстро, как в огне,
 Но раны... ох, не скоро заживут,
 Душа страдальца вечного во мне.

Моим ожогам ты виной, народ,
 Тебя люблю, печаль моя и боль,
 Терплю и жду, когда-нибудь придёт
 Взаимость... но в душе осела соль.

Случайность

Ну как же так – ни молнии, ни грома,
А с неба сыплет каменная гниль?
И ангелам такое незнакомо,
Не видели такого и они...

Но вещей сон, наверное, приснился
Покойной ныне матери моей –
Ковром цветочным путь мой расстелился,
Дай бог, чтоб он не знал гнилых камней...

Но всё ж в минуты редкого покоя
Мне мысль одна покоя не даёт:
Случайность в жизни – что это такое?
Она ль с судьбой моей игру ведёт?

Задумаюсь, но тут же и покаюсь –
Чего гадать, мол, если да кабы?
Прекрасно жизнь идёт моя, пока есть
Случайности – подарочки судьбы.

Мой конь

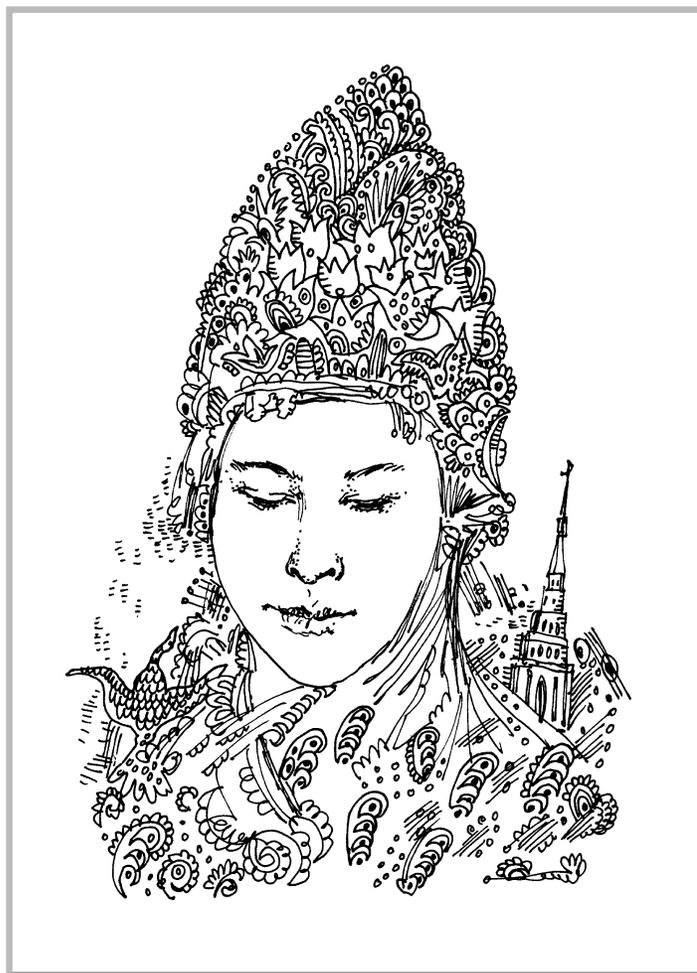
Когда в меня метнули грязной жижей,
Вдруг вспомнилось, как я купал коня.
Я молод был, росточком чуть пониже,
Ещё известность не нашла меня.

А радуга цветастым коромыслом
Упала в воду, в хрупкий краснотал.
Молитву самых сокровенных мыслей
Гнедому я на ушко нашептал.

И вдруг... перенеслись из были в небыль –
Мой конь, ты стал крылат... Да мой ли ты?!
Теперь тебе одна дорога – в небо!..
...Не говорить же мне – домой лети?

Я пожелал коню достойных далей,
И в небе синем вскоре скрылся он.
И вы его, наверное, видали,
Из-под руки смотря на небосклон?

Он и сейчас парит, Тулпар мой рыжий,
Не для него колючая стерня.
...Когда в меня метнули грязной жижей,
Я вспомнил, как купал в реке коня...

Башня Сююмбеки

«Скривилась башня, не ходите к ней,
не дай Аллах, на землю рухнет груз!»
В фундамент башни мрамора прочней
Легла вся наша скорбь, вся наша грусть.

Зачем кричат – вот-вот, мол, упадёт –
Могильщики, срывая голоса?
От Сююмбеки лестница идёт –
С землёй связала башня небеса.

Аллах лишь только знает, кто по ней
Взаправду или в шутку слёзы льёт.
Нет, башня Сююмбеки всех ровней,
Но накренился мир вокруг неё.

Вино двенадцатого года

Что бы было...

Если бы я не выпил горькое вино своей жизни?!

Г. Тукай

«Эй, дорогой товарищ гость, садись-ка рядом с нами,
Тебе вино старинное у нас лишь подадут!»
Я удивлённо посмотрел: бутылка-то – мать честная! –
Разлита в тысячу девятьсот двенадцатом году...

Тукай дышал, хрипя, в тот год своим последним летом,
Текла с надломленного саза песня через край...
Испивши горькое вино, великим стал поэтом,
Но пред похмельем жизни был бессилён и Тукай.

Вино двенадцатого года будоражит разум,
И не находит места опьянённая душа.
И силы вдруг оставили, болезни всплыли разом,
Ослабленное тело разбивая и круша.

И крымское застолье сотню лет как будто длится,
Хотя казалось прежде, жизнь промчится за три дня.
Животворящий огонь вина осветит наши лица,
Дотла сгорит душа в объятьях этого огня.

Какой поэт сумеет отказать себе в соблазне
Испить волшебное вино судьбы своей до дна?
Порою, чтобы мир понять во всём разнообразье,
Джамшида чаша помогает, лишь она одна –

Всевидающая чаша у царя была такая,
В ней, словно в зеркале волшебном, жизнь отражена...
Сумел бы сирота Апуш ершистым стать Тукаем,
Когда б вино своей судьбы он не испил до дна?

... Нагрянет тёплый летний дождь, лозу и кисть омоет,
И в мой наполненный бокал слезинка угодит.
Прости, Аллах, нетрезвых дум излитую крамолу –
Вино двенадцатого года душу бередит.

Благословение

Известили меня небеса через вещие сны:
Умирает святейший старейшина целой страны.

Все, кто знал старика, поспешили к нему на крыльцо,
Причаститься у смертного ложа, проститься с отцом.

Небеса голосили: «Ай-яй, как же трудно он жил!
Он при жизни прошёл по Сирату*, но жил, не тужил...»

Весь народ запрягли и надели кровавый хомут,
Здесь не люди – рабы, не свобода – словесная муть.

И с печальными лицами люди идут и идут,
Чтоб услышать последнее благословение тут.

Только власть предержавших не видно, идущих к нему.
Неужели святое причастие им ни к чему?

Неужели не тяжко в грехе им?.. Преставился дед,
Что спасал божьим словом страну от напастей и бед...

Трагедия искренности

Мальчонка в хищной маске волка
«Пугал» прохожих со двора.
Напутствовала мать ребёнка:
«Когда ты в маске, жизнь – игра...»

Подрался юноша на танцах,
Придя на школьный маскарад.
Отец: «Запомни – не сдаваться,
Когда ты в маске, жизнь – игра...»

Сражаться в кровь с двуличным миром
Мужчине взрослому пора.
«Не создавай себе кумира,
Когда ты в маске, жизнь – игра...» –
Кричали небеса...

...А дьявол
Посмертной маске говорил:
«Ну что, мой искренний, отплавал?
Вся жизнь – игра, ты что, забыл?
Вся жизнь – игра,
но ты – забыл...»

* Сират (тат.) – мост тоньше струны и острее меча, по которому безгрешные спокойно переправляются в рай, а грешники срываются в ад.

Протяжная мелодия

Я помню, как в Донбасс приехал в гости...
...С тех пор промчалось время, что вода...
Душа моя, исполненная грусти,
Была чутка, ранима в те года.

Пласты считая – шесть их было, семь ли –
Спустился даже в сумрачный забой.
С седьмого неба на «седьмые» земли
Сойдя, я вдруг услышал голос твой.

Стремниной горной разливалась песня,
Из штреков тёмных унося покой.
И как же это чёрный свод не треснул,
Не рухнул от мелодии такой?

В татарской песне – вся судьба народа,
Его печаль и вековая боль.
Взрывала песня горную породу,
Как души наши в ключья рвёт любовь.

В безлунных и бессолнечных тоннелях
От песни будто тысячи светил
Включились. И в сердцах окаменелых,
Певец, ты дух народный пробудил.

Внимая скорбным и протяжным звукам,
В восторге погреб угольный затих –
То песня предков возвращалась к внукам,
Неведомый мотив тревожил их.

Терзал себя проблемою извечной
И я беседу вёл с самим собой:
«И что ты понял, жалкий человек,
Услышав песню неба под землёй?»

Познал ли ты в глубинах этих тесных
Всю глубину мелодии и мощь?
Ты понял ли, что от потоков песни
Не смогут крепи шахтные помочь?!»

... С тех давних пор, когда я съездил в гости,
Солёной стала времени вода.
В душе моей всё так же много грусти,
Она чутка, ранима, как тогда.

Волынка

Болгария. Город Казанлык. 1995 год.
В раздумьях о Казани я бродил по Казанлыку,
Экскурсовод меня водила – девушка-весна...
Столкнулись с чудом: старец, обнимающий волынку,
Играл мелодию, присев на спину валуна.

В одеждах белых, седовласый, с тонкой белой кожей,
Белёсую отбрасывал старик-волынщик тень.
Печальным обликом своим на ангела похожий,
Надежду с Верой отпевающего в Судный день.

Всплакнул апрельский небосклон над музыкантом старым,
И я всем сердцем пожалел седого старика.
Брели по зелени холмов курчавые отары,
А может, это прилегли на отдых облака?

Пытался в музыку облечь старик свои печали,
Меха трещали и скрипели под напором нот,
Волынка то рыдала, то отчаянно кричала,
Перевернуло душу мне печальное руно.

Я долго с жалостью смотрел в глаза седого старца,
Прости меня, мой брат по крови болгарской, прости.
Судьбою всё предрешено, что может в жизни статься,
Что толку сокрушаться о неправильном пути?

Разбредшихся «овец» давным-давно задрали «волки»,
А нерадивых «пастухов» давно сожрал «медведь».
Но и сегодня рано волку зубы класть на полку,
Он ждёт разбредшийся народ и точит клык о твердь!..

В раздумьях о Казани я бродил по Казанлыку,
Со мною девушка-весна и на дворе весна.
Вдруг показалось – хан Кубрат воскрес и дул в волынку.
Мелодия печали...душу вынула она.

Судьба разбрасывает нас, как будто мы – былинки,
А мы разлуку грустной песней заполняем вновь.
Кубрата дух всю боль и скорбь вложил в уста волынки,
Он песней словно подзывал разбредшихся сынов.

Как дорого обходится нам алчность и жестокость –
Об этом петь умеет даже... шкура у овцы;
Волынка пела, звуки, будто в поисках истоков
Булгарию Великой, растеклись во все концы...

Взывал я к небу Казанлыка в думах о Казани –
За единение татар я многое б отдал.
Волынки эхом небеса как будто бы сказали:
«Не повернуть событий ход, ты сильно опоздал!...»
Увы, я опоздал...

Забутые сновидения

28

Когда заря займётся на востоке,
Увижу и тотчас забуду сны.
Ниспосланы с небес видений токи.
О чём хотят поведать мне они?

Что их рождает: радость ли, усталость?
Умом причины эти не понять.
Чтоб в памяти хоть что-нибудь осталось,
Обрывки сна я нанизал на нить.

К ответам точным пробуждённый разум
Пытается по нитке снов дойти.
Пытается, но не дошёл ни разу,
Похоже, наяву их не найти.

Во снах моих темно и неуютно,
Приятных и цветных не увидеть.
Укрылось небо за туманом мутным –
А я хотел вопрос ему задать:

Зачем табу на радость наложило?
Как наказание, что ли, принимать –
Когда мне плохо в этой жизни лживой,
Во сны не входит, не утешит мать?..

Но верю, семицветьем сочным брызнет
Судьба моя с пришествием весны.
Как марево за мной идут по жизни
Забутые таинственные сны.

Перевод Наиля Ишмухаметова

